

Минь Хуэй прибыла в Цзянчжоу уже затемно. В Ланьцзиньгэ дела шли полным ходом: хозяйка, разрываясь между приемом клиентов и подсчетом выручки, то и дело отмахивалась от посетительницы, заставляя ту ждать целый час, прежде чем наконец уделить ей внимание.

— Полиция мне уже звонила, я всё сказала. Номер 19 проработала у нас чуть больше года... — начала хозяйка.

— Номер 19? — Минь Хуэй не поняла, о чем речь.

— То есть Ли Чуньмяо, — хозяйка, не поднимая головы, продолжала печатать что-то на компьютере. — Работала прилежно, навыки отличные, к клиентам относилась добросовестно. Это всё, что я могу сказать. Больше ничего не знаю.

— Я хотела бы осмотреть её общежитие. Слышала, у неё там остались вещи.

— Койко-место уже занято другой, простыни, одеяло, туалетные принадлежности — всё выбросили. Остался только один чемодан. Если хочешь, я попрошу номер 22 принести его тебе завтра.

— Кто такая номер 22?

Хозяйка на мгновение задумалась, с трудом пытаясь сопоставить в голове цифры и имена:

— ...Чжао Инмэй. Они жили на соседних ярусах кровати.

— Могу я увидеться с Чжао Инмэй?

— Она сейчас на смене, освободится в два часа ночи, — хозяйка подняла взгляд и окинула гостью оценивающим взглядом. — Может, сделаешь пока массаж ног? Отдохнешь, заодно и поболтаешь с ней.

Умеет же делать бизнес, не упустит ни единой возможности. Минь Хуэй кивнула:

— Пожалуй, можно.

Хозяйка полистала прейскурант:

— Тогда возьми горячие камни с эфирными маслами и массаж стоп. Час стоит шестьсот пятьдесят, но я сделаю тебе скидку как для группового заказа — четыреста. Через десять минут начнем.

— Можно немного дешевле? — В Биньчэне, где жила Минь Хуэй, было более тридцати тысяч подобных заведений, и час работы обычно стоил около двухсот-трехсот юаней. Ланьцзиньгэ, судя по фасаду, расположению и обстановке, явно не дотягивал до уровня элитных салонов, а Цзянчжоу — город куда меньше Биньчэна. Она заподозрила, что с неё пытаются содрать три шкуры.

— Мы используем только оригинальные масла, они очень дорогие, понимаешь? Одно только масло стоит двести юаней за флакон, а с твоими габаритами одного флакона на раз может не хватить, — хозяйка приподняла бровь. — Слышала, она спасла тебе жизнь?

— Да.

— Сделала тебе скидку сорок процентов только ради неё, — хозяйка злорадно усмехнулась. — А ты еще торгуешься? Совесть есть? Не жмет?

Жмет. Минь Хуэй безропотно достала деньги.

Чжао Инмэй оказалась красивой девушкой: большие глаза, миниатюрное лицо, легкий макияж и густые, угольно-черные длинные волосы. С первого взгляда она казалась невинной, тихой студенткой.

Правда, эта студентка была одета в облегающее короткое ципао с глубоким вырезом и стояла на пятисантиметровых каблуках. От неё сильно пахло духами, а руки обладали невероятной силой — Минь Хуэй от боли вскрикивала: Ой-ой!

— Сестренка, работаешь с документами? Спина совсем забита, нужно сильно разминать, чтобы пробить меридианы, — Инмэй работала умело, пальцы словно железные, она терла, мяла, давила и проминала спину Минь Хуэй.

— На самом деле я пришла не на массаж, — поспешно сказала Минь Хуэй, — я ищу...

— Ли Чуньмяо, верно? Хозяйка мне всё сказала. — Инмэй не спеша капнула масло на ладонь и растерла его, сцепив пальцы в замок. — Можешь прийти завтра к десяти утра, я отдам тебе чемодан.

Когда она начала второй подход, движения стали гораздо мягче, и Минь Хуэй от комфорта была готова заснуть:

— Ты жила с Чуньмяо вместе, наверное, хорошо её знала?

— Мы действительно были неразлучны. Вместе ели, вместе спали, но близкими подругами нас не назовешь. Она очень заботилась о других, но о себе говорить не любила. Сама понимаешь, у каждого свои беды. Она родом из города Чихэ в провинции Гуанси, там есть какой-то автономный уезд для национальных меньшинств... забыла, какой именно. В общем, глушь в горах, ужасно бедно. Она уехала оттуда в шестнадцать лет и с тех пор ни разу не возвращалась, говорила, что дома у неё никого не осталось.

— А здесь, в Цзянчжоу? Были у неё близкие друзья, коллеги, подруги или парень?

— Нет, — решительно покачала головой Инмэй. — Ланьцзиньгэ открылся меньше двух лет назад, мы с ней были ближе всех, но времени на общение почти не было. У нас сдельная оплата: чем больше смен, тем больше заработок, все только и думают о деньгах. Работаем по тринадцать часов в сутки, не видим ни рассветов, ни завтраков, солнца вообще не видим. В два часа ночи заканчиваем, приползаем в общежитие, падаем без сил, а утром снова на работу. Никаких выходных, чем больше праздников, тем больше клиентов...

Стоило заговорить о тяготах жизни работниц, Инмэй было не остановить. Минь Хуэй слушала её и оглядывала эту комнатку площадью меньше десяти квадратных метров. Воздух из-за ароматических палочек казался еще более спертый, окон нет — неудивительно, что у всех массажисток кожа такая бледная. Она представила Чуньмяо за работой: бесконечные клиенты, бесконечные сеансы массажа, день за днем, год за годом в этой лишенной солнечного света конуре, где та существовала, словно земляной червь.

— Она не говорила тебе о планах на будущее? Если дома никого нет, за столько лет она наверняка скопила немало денег?

Как только эти слова сорвались с губ, Минь Хуэй пожалела о них. Почему она заговорила о деньгах? Не подумают ли теперь, что она приехала издалека, чтобы пожить сбережениями простой работницы?

Но Чжао Инмэй это нисколько не смутило:

— Деньги, конечно, были, она очень экономила. До того как её мать умерла, она набрала кучу долгов на лечение, проценты росли, всё уходило на выплаты. Месяц назад на неё положил глаз один владелец швейной фабрики, фамилия Фэн, из Гуанчжоу. Предлагал уехать с ним. Мужчина состоятельный, щедрый, вот только староват, и семья есть, жена, дети. Сказал, что хочет сына, готов купить ей отдельную квартиру и даже открыть небольшой магазинчик. А Чуньмяо ни в какую. Глупая, да? Тот разозлился, стал каждый вечер приходить, денег не жалел, только бы она его массировала, по пять часов подряд. Как напьется — руки распускает. Чуньмяо не выдержала, обложила его последними словами. Хозяйка узнала, оштрафовала её на месячную зарплату, чуть не выгнала... Я ей в общежитии советовала: Ли Чуньмяо, ты так упихиваешься, разве не ради хорошего пристройства? Ну и что, что у него жена? Родишь сына — место закрепишь. Разве мы, в нашем положении, можем сразу рассчитывать на роль единственной жены? Всё постепенно, понимаешь? Главное — мужчину ублажить, и тогда всё будет. Это жизнь, а не сериал! Сестренка, разве я не права?

Минь Хуэй молча слушала, чувствуя непреодолимое желание ударить Инмэй по голове, но сдержалась. У каждого свой взгляд на вещи, полно людей с искаженными ценностями, она не удивлена и не собирается никого учить. Она лишь продолжила:

— А этот уход из Ланьцзиньгэ — это увольнение?

— Первый раз слышу. Она даже зарплату за этот месяц еще не получила. Проработала больше десяти месяцев без единого выходного, а тут заявила, что нужно по делам на родину съездить. Как-никак, лучший сотрудник, хозяйка сразу отпустила.

<http://bllate.org/book/18940/1856065>